

Валерий ГУСЕВ

Пиратский детектив

Тусовка
на острове
Скелета

Валерий Борисович Гусев
Тусовка на острове Скелета
Серия «Дети Шерлока
Холмса», книга 32

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146027
Тусовка на острове Скелета: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-20592-9*

Аннотация

На острове Скелета, затерянном в Тихом океане, братья-сыщики Дима и Алешка обнаружили... одичавшего человека! Современный Робинзон долго заново учился разговаривать по-русски, но в конце концов выяснилось – это знаменитый профессор Чижов, исчезнувший два года назад! Преступники, похитившие коллекцию ученого, не нашли знаменитый ковш Петра Первого, за которым, собственно, и охотились. Профессор не раскрыл им тайны этого сокровища – за что и был высажен злодеями на необитаемом острове. И вот теперь Чижов доставлен в Москву, а украденную коллекцию взялись искать ребята. Интересно, удастся ли им опередить доблестную милицию?

Содержание

Глава I	4
Глава II	22
Глава III	34
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Валерий Гусев

Тусовка на острове Скелета

Глава I

ОСТРОВ СКЕЛЕТА

Тихий океан очень большой. Недаром его еще называют Великим. А наш остров очень маленький. Папа как-то сказал, что если на карте Тихого океана изобразить наш остров точкой, то эта точка будет в тысячу раз больше нашего острова.

Вокруг острова – безбрежная морская синева. Над островом – бесконечное небо, с которого яростно светит огромное жаркое солнце. Но от жары мы не страдаем – над островом постоянно веют муссоны и пассаты. Они раскачивают лохматые кроны пальм и морщат синюю воду в лагуне.

В лагуне мелко, не бывает большого волнения и не бывает акул, и мы с Алешкой все время купаемся здесь. А Лешка к тому же еще и охотится на рыб. Как настоящий абориген. Он садится верхом на обрубок пальмового ствола и выгребает на середину лагуны. В одной руке – гребок, что-то вроде короткой лопатки, а в другой – острога, которую ему подарил местный абориген по кличке Тими. Острога – это короткая

палка, на конце которой острый зазубренный шип (тоже от какой-то местной рыбы).

Алешка наловчился. Когда он приходит в нашу хижину с добычей, папа говорит:

– Ты, Алексей, прямо как в магазин за рыбой ходишь.

После купания и охоты мы подолгу валяемся в тени самой большой кокосовой пальмы. Хотя местный абориген по кличке Тими предупредил нас, что этого лучше не делать. С верхушки пальмы иногда срывается здоровенный кокосовый орех и летит вниз. Если такой орех, величиной с футбольный мяч, попадет в лоб, мало не покажется – это не лесной орешек. Но нам пока везет – орехи падают рядом, некоторые с треском раскалываются, и мы попиваем в прохладе кисленькое кокосовое молочко.

Вы нам позавидовали? Не торопитесь. Сначала узнайте, как мы сюда попали и что мы здесь делаем.

Вообще-то я уже об этом немного рассказывал. Но напомню тем, кто забыл, и расскажу тем, кто об этом не знает...

Нашего папу (он полковник милиции, сотрудник Интерпола) послали в очень далекую служебную командировку. На Тихий океан. В этом огромном океане он должен был разыскать и задержать одного опасного жулика по фамилии Оленин. Этот Оленин натворил всяких поганых дел и скрылся на одном небольшом острове, где готовился совершить еще одно большое преступление. Как раз в этот район Тихого океана направлялось научно-исследовательское судно «Афали-

на». И папу взяли на него под видом богатого бизнесмена, для конспирации. Потому что, по оперативным данным, на это же судно устроился и сообщник Оленина. Для еще большей конспирации папа и нас с Алешкой взял в это плавание, как хулиганистых детей олигарха.

Ну мы с ним и развернулись! Сначала разоблачили сообщника Оленина. Им оказался боцман по фамилии Шмага. Но все его называли Шмыгой, потому что у него был хронический насморк, и он все время хлюпал носом. И еще он притворялся глухим и постоянно носил на пузе слуховой аппарат в виде плеера, а на самом деле это была очень хитрая рация. Он с помощью этой рации подслушивал секретные разговоры капитана с нашим папой и все эти сведения передавал нашим врагам – международным пиратам. И вообще вредил, чем мог, на корабле.

Ну, мы с Алешкой его разоблачили, а заодно устроили так, что эти пираты на своем корабле застряли посреди океана на здоровенной скале. А мы в конце концов застряли на том самом острове Кокос, где затаился жулик и бандит Оленин.

Этот Кокос – не простой остров. Существует мнение, что это тот самый Остров сокровищ, о котором рассказал замечательный писатель Стивенсон. И Алешка, конечно же, в поисках пиратских сокровищ обшарил все уголки острова, но вместо клада с пиастрами нашел громадный полуподводный грот, в котором Оленин со своими братками прятал оружие и всякое снаряжение, чтобы захватить нашу «Афалину» и

заняться морским разбоем.

Ну и ничего у них не вышло. Мы с Алешкой их повязали (правда, нам в этом немного помогли папа и его сотрудник Алешин, который под видом матроса тоже плавал с нами на «Афалине») и заперли в «па».

«Па» – это у туземцев-полинезийцев такая круговая ограда из заостренных пальмовых стволов. А за оградой – большая хижина. Во время войны между племенами в этом самом «па» укрывались старики, женщины и дети, как в крепости. А в мирное время это была резиденция вождя.

В хижине было две комнаты – передняя и задняя. Передняя – большая, а задняя – маленькая и без окон. Вот в эту заднюю комнату мы и загнали задержанных и подперли дверь боевой дубинкой, которую подарил Алешке местный абориген Тими.

Через несколько дней «Афалина» со своим экипажем и учеными отправилась по своим научным делам, а мы остались дожидаться интерполовский вертолет, который должен был забрать оружие, спрятанное Лениным на острове, самого Оленина с его сообщниками и нас с папой. Кстати, на «Афалине» отправился на нашу Родину и Алешкин подарок. Когда мы собирались в плавание, Алешкина одноклассница Леночка Стрельцова (его первая любовь, или четвертая, не помню точно) попросила привезти ей в подарок от Тихого океана «большую-пребольшую» ракушку. На одном из островов, куда «Афалина» зашла заправиться пресной водой и

свежими фруктами, в музее полинезийского быта Алешка такую раковину приглядел. Она лежала у входа в музей, называлась по-научному «тридакна» и была средних размеров, примерно с легковой автомобиль, и весила сто шестьдесят килограммов. Алешка выменял ее на... свои валенки. Дело в том, что наша мама, когда узнала, что летом в тропиках зима, тайком в Алешкин чемодан засунула на всякий случай его старые валенки. На местных работников музея они произвели потрясающее впечатление. И, наверное, сейчас лежат под стеклом с надписью: «Зимняя обувь. Дар А. Оболенски».

Капитан «Афалины», скрипя зубами и скрепя сердце, распорядился с помощью лебедки поднять тридакну на палубу. И пообещал, сквозь зубы и положив руку на сердце, доставить ее по назначению.

«Афалина» отплыла, а мы остались. А вертолет за нами все никак не прилетал. И положение наше становилось все сложнее. И опаснее. Ведь мы жили среди диких островитян. Правда, это были очень милые и добродушные люди, в основном бронзового цвета с черными курчавыми волосами и с очень белыми зубами. И мужчины, и женщины носили коротенькие юбочки из пальмовых листьев, а на головах и шеях у них всегда красовались венки из белых и красных цветов.

Они всегда веселы и дружелюбны. Все время бродят по острову шумной ватагой, приплясывая и смеясь. Или собираются под огромным священным баньяном. Это такое дере-

во с воздушными корнями, которые служат подпорками для кроны. И сидят они под этим баньяном, будто в большом зале с колоннами, решают самые важные свои дела. В основном выборы нового вождя. Это у них любимое занятие. Иногда они по три раза в день меняют своих вождей. Раньше, в старое доброе время, старого вождя тут же, под баньяном, съедали под пение и пляски (у них даже в некоторых хижинах сохранились для этого обычая специальные деревянные вилки), а теперь все стало скучнее – просто отбирают у сверженного вождя его жезл и передают новому. Жезл – это что-то! Такая палка, украшенная резьбой и разноцветными перьями, а на ее верхушке – белоснежный человеческий череп, зловеще скалящий несколько зубов.

Когда мы прибыли на остров, вождем у них был прохвост Оленин. Они называли его Бескрылый Олень. А когда мы его свергли и арестовали, островитяне тут же избрали вождем нашего папу. И надели ему на шею ожерелье из раковин и акульих зубов. И хотели вручить жезл. Но папа вежливо отказался. Он сказал, что плохо знает обычаи этого великого народа и поэтому может не оправдать его высокого доверия. Тогда вождем стал прежний старший советник Ваувау, потом Тими, потом еще кто-то, а кто сейчас у них вождь, я даже и не знаю. И не удивлюсь, что на следующий срок они выберут вождем нашего Алешку. Уж он-то справится!

Еще островитяне любят получать и делать подарки. Это всегда для них прекрасный повод поплясать на берегу. Ко-

гда Алешка подарил своему другу, местному аборигену Тими, севшую батарейку от фонарика, радостные островитяне праздновали это событие три дня и три ночи.

Праздники у них вообще главное занятие. По любому поводу. Праздник Полной луны, праздник Молодой луны, праздник Безлунной ночи. Праздник Пойманной акулы, праздник Акулы, сорвавшейся с крючка.

Даже если кто-нибудь из них неосторожно падал с пальмы и ломал себе ногу, тут же устраивался праздник Большой ноги с песнями и танцами, при свете факелов, чтобы большой поскорее выздоравливал и снова лазил на самые высокие пальмы. С риском свернуть себе уже не ногу, а шею. А праздники у них интересные. Необычные такие. Прошло уже много времени, а я их все еще помню. И во сне вижу.

...С океана надвигается тропическая ночь. На берегу уже горят огни. Не очень яркие, конечно, электричества на острове нет, но красивые. Факелы такие: палка, на ее конце – половинка кокосового ореха, как чашка. А в ней какое-то масло из семян какого-то дерева, и в нем плавает фитиль из каких-то волокон.

В общем, светильник. Не очень-то он и светит, зато сильно трещит и разбрасывает во все стороны горячее масло.

Нас встречают как самых дорогих гостей, и с песнями проводят под баньян, усаживают за стол.

Стол очень интересный. Две канавки параллельно друг другу. А то, что между канавками, – это и есть стол. Сидишь-

ся, ноги – в канаву, и скатерть не нужна.

На столе расставлены приборы – пальмовые листья. Здесь же, в длинный ряд, стоят такие же светильники, только без палок, и так же светят и брызгают горячим маслом.

Во главе стола – очередной вождь. По обычаю он втыкает в землю рядом с собой свой жезл с черепушкой. И кажется, что там сидят два вождя. Один живой, а другой тот, которого уже давно съели.

Девушки в венках и в ожерельях разносят угощение: печеные бананы и бананы сырые, бананы большие и бананы пальчиковые, печеную рыбу и сырую рыбу в лимонном соке, акулы плавники и какие-то ракушки, жареную свинину с какими-то приправами – вкуснятина! Только вот зловещий череп во главе стола немного портит аппетит.

А потом начинаются народные песни под грохот барабанов и сушеных тыкв, наполненных мелкими камешками. А после песен – танцы. Еще веселее и громче. Очень красиво и необычайно. Диковато только. Тропическая ночь. Тропическая луна. Тропическое дерево. Колеблющийся свет факелов. И яростные танцы аборигенов в юбочках из листьев. А среди них и наш Алешка прыгает.

Он вообще на острове быстро освоился, будто здесь родился. Загорел до черноты, рыбу бьет острой, на пальмы взбирается и плавает в лагуне не хуже аборигена Тими. И никакие табу не соблюдает.

Табу – это запрет на что-то. Очень крепкий запрет. Никто

его никогда нарушить не посмеет. И эти табу у них такие интересные бывают! Вот, например, аборигену Тими нельзя касаться руками весел. И он, когда выходит в море рыбачить, гребет на своем каноэ ладонями. Аборигену Меани нельзя лежать или сидеть на голом песке. И он повсюду таскает с собой плетеную циновку.

Ничего, конечно, странного в этом нет. Ведь у нас тоже есть табу. Только никто их не соблюдает. Есть, например, хороший запрет не свинячить на улице. И что? Здорово его соблюдают? А для островитян запрет – суровый закон, и никто никогда его не посмеет нарушить. Ни в одну курчавую голову это не придет.

Но вполне возможно, что в эти головы придет желание совершить переворот и освободить, и вновь вернуть на трон сверженного нами монарха. Вот тогда нам придется очень несладко. Потому что их человек двести, а нас всего четверо, из них двое – пацаны Димка и Алешка. И хоть у нас есть оружие, никто из нас не станет стрелять в живых людей.

А вот задержанные, если островитяне их освободят, стрелять в нас станут. Пока они сидят смирно, взаперти, но кто знает, что они там, в темноте задней комнаты, замышляют.

Вот такой расклад, как говорит папа. Но в этом «раскладе» он пока не знает одной вещи. Важной и загадочной. Дело в том, что наш Алешка, шастая по острову, пробрался на его дальний скалистый берег, куда не ступала нога человека – табу! И он обнаружил, что за узким проливом есть

еще один островок, который Алешка назвал (по Стивенсону) островом Скелета. Так вот, на этом островке, оказывается, живет какой-то дикий человек. В смысле – одичавший. Какой-то заброшенный Робинзон. Алешка сразу же вообразил, что этого человека высадили на этот остров в наказание за какой-нибудь проступок. Так часто поступали в давние времена жестокие капитаны парусников и кровожадные пираты.

Однажды мы даже пересекли пролив, полный громадных акул, на резиновой лодке, которую Алешка, обнаруживший оружейный склад Оленина, предусмотрительно «заныкал про запас».

Мы подобрались тогда к маленькой хижине и услышали, как дикий человек что-то неразборчиво напевает хриплым голосом.

– Эту тайну, – сказал потом Алешка, – надо раскрыть.

– Папе?

– Сами раскроем. Папе и так забот хватает.

Да, забот папе хватало. Особенно с задержанными. Их было четверо, наручников на всех не хватало, поэтому приходилось все время за ними приглядывать. Папа и его сотрудник Алешин спали по очереди, не спуская с них глаз. Да и вертолета все не было и не было.

В общем, в один прекрасный день Алешка заявил мне:

– Плывем к дикарю, Дим. Знакомиться.

– А вдруг он нас съест? – серьезно спросил я. – Может, его как раз за людоедство отселили.

– Не съест – у нас автомат есть.

Это правда. Алешка, когда ходил на разведку, спер у Оленина два автомата. Один он отдал папе, а другой предусмотрительно «заныкал про запас» под тем же кустом, где пряталась надувная лодка. Правда, этот автомат был без патронов. И я сказал об этом Алешке, на что он беззаботно заявил:

– А дикарь об этом не знает.

Все, вопрос решен. Отправляемся. На остров Скелета.

Мы сказали папе, что идем ловить рыбу, пошли в сторону лагуны, а когда скрылись с его глаз, свернули в тропическую чащу. Здесь хоть и в тени, было очень душно. Сюда не пробивались пассаты, и в воздухе стоял тяжелый насыщенный запах всяких тропических цветов.

В эту часть острова аборигены никогда не заходили. Вовпервых, табу, во-вторых, делать тут им было нечего. Здесь не росли кокосовые и банановые пальмы, не водилась океанская рыба. Тут были густые заросли цветущих кустарников, у которых колючек было больше, чем цветов.

Вскоре мы выбрались на берег. Пролив был не очень широкий, но с сильным течением. И полный акул. Они так и шныряли в прозрачной воде, охотились. Хорошо, что не за нами. Но, честно говоря, дикий человек внушал мне больше опасений, чем целая стая акул. Кто его знает, до какой степени он дикий? Искушает еще. Автомат без патронов – слабая защита. Особенно от человека, который не знает в силу своей дикости, что это такое.

Алешку, похоже, подобные мысли не тревожили. Он беззаботно нырнул в кусты, вытащил лодку и автомат. Мы накачали плавсредство, спустили его на воду, и я взялся за весла.

Пролив мы пересекли быстро, правда, нас сильно снесло течением, и пришлось довольно долго пробираться сначала по берегу, а потом опять густыми колючими зарослями в глубь острова.

Приближаясь к хижине, мы пошли осторожнее, легко ступая и стараясь, чтобы колючки кустов не цеплялись за нашу одежду.

Потянуло дымком от костра.

– Заодно и пообедаем, – шепнул мне Алешка.

– Как бы нас самих в котел не пустили, – шепнул я.

– А у нас... – Алешка растерянно взглянул на меня. – Дим, а где автомат?

Автомат остался в лодке!

– Пошли назад, – решительно сказал я.

– Ну да! Так и будем туда-сюда бегать! Тише! Вон он! – Алешка раздвинул ветки.

Мы осторожно выглянули.

Перед хижинкой горел костер. И сидел возле него обросший волосами человек в лохмотьях. Правда, лохмотьев на нем было очень мало. Только какое-то тряпье на поясе. А все остальное – сплошной загар.

Он сидел на корточках, что-то бубнил себе под нос и чистил авокадо.

Не успел я схватить Алешку за руку, как он решительно шагнул из кустов.

Человек вскочил — плоды покатались с его колен на землю — и уставился на нас, хлопая глазами. Он долго молчал, хмурясь, будто пытался что-то вспомнить. Потом нагнулся и поднял с земли дубинку — обломок весла. И сказал:

— Гы!

Алешка смело шагнул ему навстречу и тоже сказал:

— Гы!

Человек расплылся в неожиданной улыбке и стал приплясывать на месте. Обеду, что ли, обрадовался? В виде нас...

Алешка сделал еще один шаг и ткнул себя пальцем в грудь:

— Лё!

Человек засмеялся хриплым голосом, ткнул себя пальцем в грудь и радостно сказал:

— Ва!

Вот и поговорили.

Только вот кто из них этот Лё-ва?

Алешка достал из кармана крекер и протянул этому... Ва.

Тот осторожно взял его, откусил, нагнулся, подобрал авокадо, обдул его от прилипшего песка и протянул Алешке.

— У! — сказал Алешка, и дикарь опять заплясал на месте.

Обменялись, значит, дарами природы.

Дикарь, все так же улыбаясь, снял с костра мятую закопченную кастрюлю и жестом пригласил нас в хижину.

Мы вошли. В этой хижине был удивительный порядок. Постель, сплетенная из листьев, самодельный стол, чурбачок вместо стула. Полка, на которой выстроились ровными рядами красивые раковины и ветки кораллов. На стене – лук со стрелами, копье. В дальнем углу – еще один столик, похожий на письменный. На нем лежала стопка бумаги (потом мы узнали, что это высушенные и ровно обрезанные пальмовые листья), стояла чернильница из маленькой тыковки и в ней торчало птичье перо.

Словом, не просто хижина, а тропический кабинет ученого.

Дикарь поставил кастрюлю на стол и, протянув Алешке ложку, сказал:

– О!

Алешка смело попробовал варево и тоже сказал, прямо с восторгом:

– О! Дим, попробуй. Классная уха. Из океанических рыб.

На меня дикарь не обращал никакого внимания. Он, наверное, думал, что Алешка – великий вождь Лё, а я его слуга Ди.

Но уху я все-таки попробовал, действительно – «О!»

Дикарь опять начал приплясывать. Он, наверное, сто лет не видел людей и страшно нам обрадовался. Особенно великому вождю, который свободно объяснялся на его дикарском языке.

Лешка смело (точнее, нахально) обошел хижину, показал

на полку и протянул с восхищением:

– У-у-у!

– У! У! – закивал дикарь, схватил самую крупную и красивую коралловую ветвь и протянул Алешке.

А что дальше? Так и будем мычать?

– Как вас зовут? – спросил я дикаря громко и отдельно.

Он хмуро взглянул на меня, сосредоточился и буркнул, ткнув себя пальцем в грудь:

– Ва!

– Он все понимает, – сказал Алешка. – Он только слова плохо помнит. Его зовут Валя!

Ва перевел взгляд на Алешку и отрицательно покачал головой, подумал и упрямо повторил:

– Ва!

– Васька? – спросил Алешка. – Гы?

– Нет гы, – уперся дикарь. – Ва! – Подумал еще, прямо было слышно, как у него ржавые мозги закрипели, и добавил: – Ня!

Алешка недоуменно взглянул на меня, пожал плечами. Я усмехнулся:

– Ваня.

Дикарь от радости подпрыгнул так, что чуть не достал головой до потолка. И зачастил, приплясывая:

– Ва-ня! Ва-ня!

Вот и познакомились. И подружились.

Алешка забрал коралловую ветвь и сказал:

– Пока. До скорого.

Дикарь улыбнулся – понял. Зубы у него были белые-белые, будто он их каким-нибудь «Кометом» чистил. И он повторил за Алешкой:

– По-ка!

И пошел нас провожать. Не знаю, как он догадался, откуда мы пришли, но провел нас к берегу своей тропкой. Коротким путем.

– Мо-ре, – сказал он, поведя рукой вдоль берега.

– А то я не знаю, – сказал Алешка.

– Лод-ка, – сказал дикарь. Он явно делал успехи. – Лод-ка.

А вот лодки-то и не было.

– А где лодка? – спросил меня Алешка.

– А я знаю? Ты ее привязывал. Вот к этой коряге.

Алешка виновато поскреб макушку.

– Дим, я ее здорово привязал. Шлюпочным узлом.

А я и не сомневался. За время плавания на «Афалине» Алешка здорово наловчился всякие морские узлы вязать. И рифовый, и прямой, и шкотовый, и шлюпочный, и даже какой-то загадочный рыбацкий штык.

Я подошел к коряге и ахнул. Узел не развязался. Веревка была обрезана. На коряге осталась ее петля – кусочек шлюпочного узла.

– Ни фиги! – удивительно спокойно сказал Алешка. – Акула, что ли, перекусила?

– Ага, земноводная. Травоядная.

– Дим! – выдохнул Алешка, дошло до него. – А ведь в лодке автомат лежал!

Да, теперь ни автомата, ни лодки. И кто это сделал? Зачем?

– Лод-ка! – вмешался разговорчивый Ва-ня. И опять забарабанил себя в загорелую грудь: – Мой лод-ка твой! Привет!

– Дим, переведи, – растерянно попросил Алешка. – Ты что-нибудь понял?

– Он нам свою лодку предлагает, – «перевел» я. – Он говорит: «Был мой лодка – станет твой лодка». С приветом.

– Кто с приветом? Лодка?

Дикарь не дослушал, подпрыгнул на месте, скрылся за береговой скалой и выплыл из-за нее на лодке. Лодка тоже была дикая – вырубленная из ствола дерева. На нее смотреть-то страшно, а уж над акулами на ней плавать – спасибо, привет!

Ва-ня причалил к берегу и стал что-то горячо объяснять. Попробую повторить:

– Ва-ня! Гы! У-у-у! Лод-ка! Гы! На-зад! Лё. По-ка! – И вытащил из лодки тонкую лиану, свернутую в моток, стал совать мне ее под нос.

Тут уж я оказался бессилен в роли переводчика. Но Лешка сообразил, что значат эти «Гы» и «У-у-у».

– Дим, гы! Привяжем эту лианку за корму, а он потом лодку притянет обратно. Гы?

– Лё – лодка – Ва-ня! Гы! – засмеялся дикарь.

Да, не такой уж он и дикарь, этот Ва-ня. Соображает.

– Поплыли с нами, – предложил ему Алешка.

Ва-ня аж задрожал – так испугался, замахал в сторону нашего острова, затоптался на месте:

– Табу! У-у-у! Ням-ням Ва-ня!

И такой страх был в его глазах, что мы даже поежились. Кто это его там «ням-ням»? Правильно Алешка говорит: тут какая-то мрачная тайна...

Переправлялись мы по очереди. Лодка была такая хлипкая, что двоих не выдержала бы.

Когда мы оба оказались на своем берегу, Ва-ня притянул лодку и помахал нам.

Мы тоже помахали ему и пошли домой. Домой... Хорошо сказано, да не про нас. Наш дом – за многие тысячи миль отсюда...

Глава II

«А ГДЕ БОЦМАН?»

Мы сделали небольшой крюк, чтобы показать, будто идем с лагуны, после неудачной охоты за рыбой. Не успели мы подойти к баньяну, как из-за него вышел Алешин. Он был сердит и встревожен. И с автоматом на плече.

– Вы где бегали? – спросил он. – Полковник в гневе. Сейчас вам будет!

– А мы – что? Мы – ничего, – ответил Алешка с обидой в голосе. – Мы рыбу ловили. Чтоб вас накормить. Вы так много жрё... едите.

Алешин оглядел нас, сердито пыхтя. И сказал:

– Пошли в «па». Будете до вертолета там сидеть.

– Еще чего!

Алешин вздохнул и сказал негромко:

– Боцман удрал.

– Подумаешь! – как-то странно фыркнул Алешка, будто это и не новость. – Куда ему бежать-то? К акулам?

– Вот и я думаю: куда ему бежать? Но ведь нет его нигде. Я весь остров уже обошел.

– В гроте смотрели? – спросил я.

– А то! В первую очередь.

– А в хижинах? – озабоченно спросил Алешка. – Прячется

у кого-нибудь в чемодане.

Алешин покачал головой.

– Может, он утопился с горя? – предположил Алешка.

И тут до нас кое-что дошло: так вот куда делась наша лодка с автоматом!

Алешка нахмурился, соображая.

– Не понял, – признался он. – А как же он через пролив перебрался? Его бы там живо акулы схавали...

– В чем дело? – спросил Алешин.

– Да так... – Алешка пожал плечами. – Мелочи жизни.

– Вы что, его видели? – насторожился Алешин и поправил на плече автомат.

– Не то чтобы... – сказал я.

– Не в этом смысле, – добавил Алешка.

– Так, – протянул Алешин. – Пошли к товарищу полковнику. Пусть сам с вами разбирается. И что он прикажет с вами сделать, то я и сделаю. Беспощадно. Даже с удовольствием.

– Как вам не стыдно, – хихикнул Алешка, – маленьким угрожать.

– Пошли, пошли. Вы – вперед, а я пока подходящих веточек наломаю. С колючками.

– Товарищ полковник, ваши дети что-то знают, – доложил Алешин.

– И что вы знаете? – спросил папа.

– Много чего, – ответил я.

– Ну, например?

– Ну... – протянул Алешка. – Например: солнце утром всходит, а вечером заходит.

– Что еще? – папа был терпелив.

– Ну... Луна бывает большая и маленькая.

– Капитан Алешин, – сказал папа, не меняя тона, – отстегните ремень от вашего автомата.

– Да ладно уж, – поспешил Алешка. – Сразу за автомат. Дим, расскажи им. Мне они все равно не поверят. Да еще ругаться будут.

– Там, – я куда-то махнул рукой, – на маленьком островке полудикий ученый человек живет. Ваня.

Я не ожидал такого эффекта. Папа вскочил:

– Иван?

– Ваня, – поправил Алешка.

А папа повернулся к Алешину:

– Это Чижов! Ты понял, Алешин?

Тут еще один эффект: Алешин открыл рот и выронил автомат. Себе на ногу. И сказал:

– Не может быть, Сергей Александрович!

– У них все может быть, – жестко ответил папа.

– Два года! – Алешин подобрал автомат. – Два года, Сергей Александрович!

– Видимо, не теряют надежды. Деньги-то какие!

Мы внимательно прислушивались, но ничего понять не могли. Этот разговор напомнил нам мутные речи Ва-ни.

Алешка даже незаметно коснулся пальцем виска и сказал мне:

– Гы, Дим?

– У-у-у, – ответил я.

Тут папа вспомнил о нас. Встал.

– Пошли. Нужно доставить его сюда.

– Он не пойдет, – сказал Алешка.

– Табу, – добавил я. – Он боится, что его тут съедят.

– Кто? – удивился папа.

Я промолчал, а Лешка вполголоса заметил:

– Какой-нибудь полковник.

Папа на эти слова не обратил внимания, сказал Алешину:

– Останешься здесь, гляди в оба.

– Не беспокойтесь, Сергей Александрович.

– Надо на лодке плыть, – сказал Алешка.

«Афалина» оставила нам свою моторную шлюпку. Мы ею не пользовались, чтобы зря не расходовать бензин. Но сейчас не тот случай.

Папа сунул зачем-то за пояс пистолет, и мы пошли на берег. Шлюпка лежала на песке. Тут же набежали веселые коричневатые островитяне и с песнями и прыжками помогли нам столкнуть ее на воду.

Папа опустил мотор, дернул шнур стартера. Мы вышли подальше в море, чтобы не цеплять днищем рифы, обогнули остров, вошли в пролив. Все это время папа смотрел не в море, а на берег. Наверное, все боцмана искал. Глазами.

Пристали к берегу Скелета.

– Ну и где он? – спросил папа.

– Наверное, в хижине, – Алешка пожал плечами. – Ест. Он все время ест. Проголодался в одиночестве. – И заорал изо всех сил: – Гы!

Папа даже шарахнулся от него. Однако – сработало. Кусты осторожно раздвинулись – и появился Ва-ня. Но не весь, одна голова. Он долго изучал папу, потом подошел. Папа протянул ему руку. Ва-ня сначала резво отпрыгнул, затем вернулся на место и ответил робким рукопожатием.

– Чижев? – спросил папа.

Ва-ня нахмурился. Он будто что-то вспоминал. Потом его лицо осветилось улыбкой:

– Чи-жов! Гы!

– У-у-у! – сказал Алешка.

– Прекрати! – оборвал его папа. – С ним нужно разговаривать нормально. Тогда он быстрее придет в себя. А вообще ему врач нужен. – И папа еще раз спросил: – Чижев?

Ва-ня закивал.

– Теплоход «Айвазовский»? Круиз?

– Вазовски! Гы! Круизм.

– Пора домой, – сказал папа. – В Россию.

Ва-ня вдруг заплакал.

– До-мой! Мос-ква! Квар-ти-ра! Катя! Дом! – Вытер ладонью слезы. – Вазовски?

– Нет. Самолет.

– Лай-нер?

Мы были поражены, как быстро этот одичавший человек, отвыкший от человеческой речи, приходил в себя. Вот тебе и «Гы!».

Папа сделал понятный жест, приглашая Ваню в лодку. Не тут-то было. Ваня сморщился и опять чуть не заплакал.

– Табу! Ням-ням!

– Нет табу, – твердо сказал папа. – Все хорошо. Нет ням-ням.

Вот это Ваня понял совершенно. А я ничего не понимал. Говорят они с папой вроде почти нормальным языком, а по сути все вроде «Гы» и «У-у-у».

Я посмотрел на Алешку. Он внимательно слушал весь этот тарабарский разговор, но в его глазах непонимания не было. Ему было все ясно. Я дернул его за рукав. Он отмахнулся от меня, как от мухи.

– Потом, Дим! Дай послушать!

– Домой, – повторил папа. – Нет табу.

– Вещи, – ответил Ваня. – Барахло. Книга.

– Пошли.

И мы пошли в его хижину за вещами. Папа, когда мы пришли, с интересом огляделся. Улыбнулся. И сказал:

– Робинзон.

Ваня засмеялся и ответил:

– Хватит! Много люди – хорошо. Один люди – плохо. Домой! – И он стал хлопотливо собирать свои пожитки. – Нет

Робинзон!

Вещей было не так много. Ваня сложил их на полу хижин. Кучка получилась: рукопись из пальмовых листьев, кастрюля, мятая и черная от копоти, чайник без носика, нож без ручки, несколько гнутых ложек, лук со стрелами, копье со страшным наконечником из акульего зуба.

Папа поднял лук, осмотрел его и сказал:

– Оставь его здесь. В Москве охота с луком запрещена.

– Охота – нет! – согласился Ваня. – Музей – да.

Здорово он стал соображать.

Алешка вдруг сказал:

– Лук, посуду и копье надо оставить здесь – вдруг кому-нибудь пригодятся.

Интересно – кому это?

Ваня бережно уложил в корзинку рукопись и чернильницу, стал складывать в плетеный мешочек красивые раковины и белые и розовые кораллы.

Папа вполголоса нам объяснил:

– Иван Чижев – знаменитый коллекционер. Ученый. Всякие редкости – его страсть.

– У меня этих ракушек, – сказал Алешка, – два мешка. Могу один ему подарить.

– Подари лучше оба, – посоветовал папа.

Мы покинули хижину и уселись в лодку.

– Табу нет? – спросил Ваня, указав на наш берег. – Ням-ням нет?

– Давно нет, – сказал Алешка.

Но копье свое Ваня все-таки прихватил.

Папа вывел лодку проливом в открытое море и направил ее к селению.

Для наших островитян возвращение лодки да еще с новым пассажиром – это огромный праздник. Они столпились на берегу – все в венках – и, приплясывая, с нетерпением ждали нашего приближения.

Ваня заволновался.

Папа положил ему на плечо руку и сказал, отдельно и весомо:

– Все хорошо, Иван Васильевич. Это друзья. Бояться не надо.

Ваня Васильевич покивал головой, но копье все-таки протянул поближе.

К нам аборигены уже привыкли. А появление полуголого дяди Вани, длинноволосого и длиннобородого, да еще с копьем, привело их в восторг. Они тут же нахлобучили ему на голову венок, подняли на руки и понесли под баньян. И при этом что-то орали, смеялись и хлопали в ладоши.

– Нового вождя избрали, – хмуро заметил Алешка.

И он не ошибся. Дядю Ваню усадили в кресло из старой раскладушки, поднесли ему вскрытый кокосовый орех и бухнулись перед ним на четвереньки, задрав попы. Одновременно воздев руки в небо. Как это им удалось – не знаю. Алешка тут же попробовал – не получилось, только ткнулся носом

в песок.

Алешин, стоя в воротах «па», мрачно наблюдал эту сцену.

– Этого нам только не хватало, – проворчал он. – Сергей Александрович, надо его постричь и побрить. Может, они тогда от него отстанут.

Папа хмурился – прибавилось забот. Нужно сторожить задержанных, нужно контролировать поведение островитян и нужно остерегаться удравшего боцмана Шмагу. А тут еще и новый полудикий вождь. А нас – нормальных людей – всего четверо. К тому же из этих четверых – двое пацаны. Правда, пацаны те еще...

Папа попытался унять этот балаган, ему это отчасти удалось, но островитяне остались недовольны. И когда папа уво-
дил дядю Ваню в «па», они все-таки притащили жезл вождя с черепом и почти силой вручили его своему новому кумиру.

Дядя Ваня повертел палку с черепом в руках, щелкнул его пальцем в лоб и сказал:

– Экспонат. Пепельница. Гы!

Хорошо, что кроме нас никто его не понял. Зато островитянам его «гы» страшно понравилось. Они взялись за руки и запрыгали к морю, повторяя это «гы» под каждый прыжок.

Папа помог дяде Ване привести себя в порядок. Тот сначала побрыкался, но папа сунул ему под нос зеркальце. Дядя Ваня глянул в него и... отпрыгнул в страхе в угол.

– Это ты, – объяснил папа.

– Это ты! – не согласился дядя Ваня.

Тут пришел Алешин, снял с плеча автомат, повесил его на колышек в стене и усадил дикого дядю Ваню на чурбачок. Тот покорно подчинился – он почему-то Алешина побаивался. Алешин живо обкорнал ему буйные кудри и сбрил бороду.

Тут-то и мы отскочили в угол. Борода – ладно, а вот стрижка...

– Что ты наделал? – спросил папа.

– А что? Модельная стрижка, – не смутившись, ответил Алешин. И протянул дяде Ване зеркало. Щас что-то будет!

А ничего и не было – дяде Ване его новый облик понравился. Он засмеялся, выдернул из жезла перо покрасивее и воткнул его в остатки волос на макушке.

– Точно, – шепнул мне Алешка. – Экспонат.

А папа с Алешиным вышли из «па» и о чем-то долго шептались. Вернулись. Приняли решение.

Папа откинул дубинку, которая подпирала дверь, и сказал:

– На выход. Живо.

Из комнаты вышли наши враги – сам Оленин и два его телохранителя – здоровенные парни.

– Самое простое, – сказал папа, – это быстренько вас расстрелять.

– Или акулам скормить, – вставил Алешка. И получил от папы подзатыльник.

– Но я представляю закон, – продолжил папа, – и не могу

его нарушать. В то же время – вы мне мешаете. Я принял решение. Сейчас мы переправим вас на остров Скелета. Там есть хижина, где вы будете дожидаться вертолета.

– Мы лучше с вами, – сказал один амбал. – С вами будем вертолет дожидаться.

– Вот фиг! – сказал Алешка. – Полковник из-за вас не спит. Ни днем, ни ночью. И кормить вас приходится.

– А мы не люди? – с обидой сказал другой амбал.

– Разговорчики! – предупредил Алешин. Он не любил бандитов. – Ваши ручки, фрау-мадамы.

Алешин двумя парами наручников объединил эту троицу и повел их на берег.

– Дима, – сказал мне папа. – Следи здесь за порядком.

– Да, – сказал Алешка, – следи, Дим, а мы...

– А мы без тебя обойдемся, – осадил его Алешин.

В общем, они отправили задержанных на остров Скелета, и нам стало немного спокойнее. Только Алешка ворчал:

– А где-то шляется на моей лодке боцман Шмага с моим автоматом. Вот он к ним приплывет, и как они на нас ночью набросятся!..

– У них патронов нет, сам сказал, – возразил Алешин. – Ты точно знаешь, что автомат пустой?

– Точно, точно, я все патроны расстрелял по акулам.

– Ну! – сказал папа, – вернемся домой, я тебе покажу.

– Вернемся... – Алешка нахмурился. – Лет через сто. Где твой вертолет?

А вертолета все не было.

Глава III

«ГЫ!»

Папа несколько раз пытался связаться по радиии с Интерполом. Но батарейки в его радиии безнадежно сели, и Интерпол не отвечал. А у нас кончалось не только терпение, но и продукты. Правда, на острове были всякие фрукты, а в океане была всякая рыба, но нам эта диета уже надоела.

Алешин ворчал больше всех:

– Я столько ночей уже не спал, караулил, мне много калорий надо. В виде мяса.

– А я домой хочу, – поддерживал его Алешка. – Мне ваш океан надоел.

Неожиданно к ним присоединился Ваня Васильевич. Сначала он сказал: «Гы!», а потом объяснил:

– Хочу водопровод. Хочу телевизор. Хочу собаку.

На что папа вполголоса заметил Алешину:

– Кажется, он приходит в себя. Память возвращается.

Алешин покачал головой с сочувствием:

– Досталось мужику.

А что ему досталось? Папа не торопился раскрывать эту тайну. Но мы все-таки поймали его на берегу, когда он сидел на перевернутой лодке, курил и тоскливо смотрел в небо – ждал вертолет. Алешка сел с ним рядом, вздохнул, положил

ему руку на плечо.

– Ничего, пап, – сказал он, – нам и без телевизора хорошо.

– Без собаки плохо, – улыбнулся папа. – Не подлизывайся, ничего тебе не расскажу. Потому что сам не все знаю.

– А ты расскажи, что знаешь.

У наших ног тихо плескались маленькие волны, набегая на песок и оставляя на нем мелкую белоснежную пену. И так повторялось, наверное, уже миллиард лет. А может, и больше. Кто их считал?

В небе над океаном курчавились облака, между ними сияло и жарило солнце, а чуть пониже летали чайки и щебетали морские ласточки. Довольно прожорливые существа, кстати.

Папа отнял от глаз бинокль, положил его рядом, на днище лодки.

– Да что тут рассказывать? История какая-то непонятная... Иван Васильевич Чижов по профессии – биолог, по призванию – коллекционер. Его знаменитой коллекции положил начало еще прадед Чижова. Этой коллекции завидуют все музеи мира.

– Чего это они? – спросил Алешка с интересом.

– А потому, – объяснил папа, – что коллекция у него не простая, а именная.

– Это как? Имени кого-нибудь?

– Не совсем... Вот лежит, например, в витрине музея какой-нибудь глиняный черепок, и написано: «Фрагмент горшка IX века».

– Понял, – сказал поспешно Алешка. – А у Вани написано: «Фрагмент ночного горшка имени Наполеона».

Папа рассмеялся. Но поправил:

– «Из этого черепка лакала молоко любимая кошка Льва Толстого». Теперь ясно?

– Ясно.

– И вот вся его коллекция такая...

– Кошачьи черепки? – разочаровался Алешка. – Да их на любой помойке...

– Не черепки, – прервал его папа. – Я не очень хорошо знаю его коллекцию, но помню, что она содержала, например, саблю Дениса Давыдова, единственный орден русского богатыря Ивана Поддубного, письма Чехова, велосипед Льва Толстого, подковы с копыт коня Дмитрия Пожарского, бальную книжку жены Пушкина...

– Интересно! – воскликнул Алешка. – Она что, на бал ездила книжки читать?

Алешка фыркнул, а папа хмыкнул:

– Темный ты человек, Алексей. Бальная книжка – это записная книжка. Дама на балу записывала туда все приглашения кавалеров на танцы. Кому – кадрили, кому – мазурку, кому – полонез. Это понятно?

– Понятно. Чтобы не перепутать. А то все королевы... то есть кавалеры на дуэлях передерутся.

– Примерно так.

– Пап, – спросил я, – а как же эта книжка сохранилась?

За столько лет.

– Интересный вопрос. Дело в том, что странички в такой книжке были не бумажные, а из тоненьких пластинок слоновой кости.

– Здорово! – сказал Алешка. – Вот куда все слоны подевались!

– Записи в книжке делали специальным карандашиком, а после бала их стирали. И книжка была готова к новому балу, к новым записям... Но мы отвлеклись. Коллекция Ивана Чижова была бесценной. И на нее зарились не только музеи, но и другие коллекционеры. Особенно, как мне помнится, старался ее заполучить писатель Красильников. Он, подлец такой, даже сговорился с жуликами, чтобы они ограбили Чижова.

Теперь понятно, откуда папа знает эту историю.

– Да, – кивнул он, – нам с Алешиным пришлось заниматься этой кражей.

– И чего? – спросил Алешка. – Нашли?

– Нашли. И все украденные вещи удалось вернуть Чижову. Но через некоторое время он исчез.

– Спрятался? – спросил Алешка.

– Не знаю... – Папа снова взял бинокль, поднес его к глазам. – Исчез – и все. По некоторым данным, он отправился в путешествие на теплоходе «Айвазовский». И исчез.

– А я его нашел! – похвалился Алешка. – Теперь он нам все расскажет.

– Боюсь, что нет. Он провел два года в одиночестве, потерял память, говорит с трудом. Ему потребуется помощь врачей. И тогда, может быть... – Папа опустил бинокль и таким же ровным голосом добавил: – Собирайте вещи: карета подана.

Мы вскочили. Далеко в море, низко над водой летело какое-то странное сооружение. Когда оно приблизилось, Лешка сказал:

– Никакой не вертолет. Лодка с крыльями.

Точно, лодка с крыльями. Корпус как у катера, по бокам крылья, на их концах что-то вроде поплавков. А на корпусе – башенка с винтом, который яростно вращался, блестя сплошным кругом под солнцем.

– Гидросамолет, – сказал папа.

Что тут началось! Все население острова высыпало на берег. Вот теперь у них еще один вождь будет. Еще важнее. Бескрылый олень спустился к ним с неба (Оленин прилетел на остров Кокос на вертолете), а новый вождь – сначала с неба, а потом из океана. Интересно, как они его назовут. Крылатая рыба? Или Плавающий орел?

Гидросамолет плавно коснулся поверхности воды своим брюхом и поплыл к берегу. Вздывая носом волны и баламутя воду потоком воздуха от винта.

Не приближаясь к острову, гидросамолет сбавил ход, остановился. Его поплавки коснулись воды, и он замер. Похожий на громадную птицу, которая, распластав крылья,

улеглась отдыхать от дальнего перелета.

Из брюха гидросамолета вывалилась оранжевая лодка, будто водяная птица яйцо снесла; в лодку прыгнули люди, завели мотор – помчались к берегу.

Островитяне на лодках и вплавь бросились в море – встречать дорогих гостей.

– Как бы они их не напугали, – проворчал Алешка. – А то как развернутся, как улетят!

Не развернулись и не улетели. Сошли на берег. Один человек – в обычной одежде: белые шорты, кроссовки, пробковый шлем, а двое других – в легком камуфляже и с автоматами. Папа обменялся рукопожатием с пробковым шлемом (тот назвался: мистер Икс), кивнул его бойцам, и они о чем-то заговорили. Мы стояли рядом, но ничего не поняли – разговор шел на английском языке.

Потом папа объяснил нам, что с вертолетом вышла неувязка. Он мог лететь только на двести миль – сто к нам и сто обратно. А до нас было почти пятьсот. Поэтому пришлось срочно искать другой транспорт, и это «срочно» растянулось почти на две недели.

– Ждите меня здесь, – сказал нам папа. И они все уселись в шлюпку и отправились на гидросамолет.

Островитяне взвыли от горя. Они решили, что сейчас эта морская птица взмахнет крыльями и унесет их любимых белых вождей в какую-нибудь туманную даль. Алешка тоже что-то заволновался.

– Дим, он нас не бросит? Пусть только попробует!

Папа тем временем вместе с прибывшими скрылся в брюхе гидросамолета. Подошел Алешин.

– За нами? – спросил он. – Красивая птичка.

А красивая птичка вдруг громко заговорила папиным голосом. Через мегафон.

– Боцман Шмага! Предлагаем вам немедленно явиться на борт воздушно-морского судна для отправки на материк. Даю вам тридцать минут. Время пошло.

Островитяне от этого громового голоса чуть не попадали на песок. А Лешка сказал:

– Он не явится. Не медленно, не немедленно. Он здесь останется.

– Откуда ты знаешь? – удивился Алешин.

– А чего ему на материке делать? В тюрьме сидеть? Уж лучше в океане. Любому дураку ясно.

– Я вот не дурак... – начал объяснять Алешин.

– Наверное, – посмотрел на него Лешка.

Алешин погрозил ему кулаком и продолжил:

– Я вот не дурак, а понимаю, что все-таки лучше среди людей, даже в тюрьме, чем в одиночестве на острове.

– А он тут, когда мы все уедем, великим вождем останется. По кличке Красный шмыгающий нос. Его будут кормить и оказывать почести. А когда им надоест...

– Они его съедят, – закончил фразу Алешин.

– И все заразятся насморком, – рассмеялся Алешка.

– Ладно, – вздохнул Алешин, – надо задержанных доставить. Кто со мной?

Мы забрались в катер и отправились на остров Скелета. Услышав шум мотора, задержанные вышли на берег. Они были хмурые и злые. Им очень не хотелось улетать с острова. Поэтому Алешин был очень внимателен и бдителен. И скомандовал нам:

– Лешка – за штурвал. Чуть что – дуй отсюда. Дима, возьми наручники – и на берег, окольцуй их.

Сам Алешин взял всю троицу на прицел:

– Без шуток, господа. Стреляю без предупреждения.

Мне никогда не приходилось надевать на людей наручники. Не скажу, что это приятное дело, даже если приходится их надевать на заведомых негодяев.

Но я это сделал; задержанные, соединенные наручниками, погрузились в катер, и мы благополучно доставили их на наш берег. Где их принял мистер Икс и отправил на гидросамолет.

Пока его загружали оружием из грота, мы быстренько собрали свои вещи. А было их – по карманам распахать. Алешка, конечно, поскандалил, пытаясь загрузить в шлюпку мешки с раковинами. Не удалось. Тогда он их щедро рассыпал по берегу, а одну раковину – самую большую и красивую – подарил Ване Васильевичу со словами:

– Это в вашу коллекцию. Вы только напишите на ней: «Раковина имени Алексея Оболенского».

Здорово! Валенки его имени уже имеются.

При слове «коллекция» в глазах Чинова что-то засветилось – разумное и вечное. И он сказал:

– Гы! Да. Раковина. Ковш Петра Великого. – И тут его глаза опять затуманились.

При чем тут ковш? Мне совершенно не ясно. Алешке-то ясно:

– Он из этой раковины сделает ковш Петра Великого. Дим, а кто такой Петр Великий? Знаменитый экскаваторщик? С ковшом?

Пришлось объяснить, что Петр Великий – это российский император в давнее время. Что он воевал со шведами и строил корабли.

– И ковши делал? – поспешил Алешка. – Для коллекции?

– Марш в лодку, – сказал папа. – Пора. Мама вас ждалась.

При этих словах Алешкины глаза стали круглыми. Он решил, что мама ждалась нас в гидросамолете. И ворвался в него, как маленький ураган. Но мама ждала нас не в самолете, а в Москве.

Мы расселись по креслам, усталились в иллюминаторы. На берегу рыдали островитяне и махали нам букетами цветов. Над головой заревел двигатель. От самолета побежала по воде рябь, и он, медленно развернувшись, набрал скорость как глиссер, оторвался от воды и, сделав круг над островом, взял курс на Тихоокеанскую базу Интерпола.

В салоне было свободно и уютно. Даже телевизор работал. Офицер в морской форме принес нам всякие напитки и кое-какую одежду для Ва-ни. Он приоделся и с интересом оглядывал себя в зеркале, привыкал, а мы никак не могли оторваться от иллюминаторов.

Океан сверху тоже был красивый. Цвет воды его все время менялся: то бледно-голубой, то зеленый, а потом стал густо-синим с изумрудными кляксами островов, окаймленных золотым песком.

На базе мы пересели на вертолет, и он доставил нас еще на какой-то остров, где был настоящий аэропорт. Там мы всей командой разместились в большом воздушном лайнере. Долго летели, несколько раз садились на заправку, спали, ели. А потом папа сказал:

– Просыпайтесь – Москва!

Вокруг было черное ночное небо. А внизу – море огней. Вдруг это огненное море накренилось, исчезло, появилось вновь, и в ушах закололо – самолет пошел на посадку в столице нашей Родины.

Немного ошалевшие, мы вышли в здание аэровокзала, и первым человеком, которого мы встретили в Москве, была наша мама. С букетом цветов.

Мама нам очень обрадовалась. Она соскучилась. Правда, в первую минуту мама, когда Алешка бросился к ней, шагнула в сторону. Потом объяснила:

– Я боюсь, когда негритята бросаются мне на шею.

– Они не кусаются, – засмеялся Алешка.

Нам-то было незаметно, что Алешка за время плавания сильно загорел и стал похож на негритенка с голубыми глазами.

Тут к нам подошли папа с Ваней.

– Это Иван Васильевич, – сказал папа.

– Очень приятно, – сказала мама.

– Гы? – Ваня указал на ее букет.

– Какой там «гы»? – Мама махнула рукой. – Сто рублей штука.

– У-у! – Ваня покачал головой. А мама с интересом рассматривала его прическу.

– Как вы отдохнули? – спросила она, когда мы пошли к машине.

– Так себе, – сказал Алешка. – В дурном обществе пиратов и акул. И еще нас чуть не схавали на празднике Голубой луны. У них там такой обычай – как голубая луна, так надо поужинать белым человеком.

– Да какой ты белый, – засмеялась мама, ероша ему волосы.

– Отмоюсь, – отмахнулся Алешка. – Мам, а Ленке Стрельцовой ракушку привезли, не знаешь?

Вот тут мама нахмурилась.

– Я со Стрельцовыми поссорилась. Они тебя хулиганом обозвали.

Я бы тоже его за эту раковину хулиганом обозвал. Надо

додумать – послать в подарок однокласснице раковину величиной с легковую машину.

– Но ничего, – сказала мама, – я все уладила.

Папа усадил нас в машину и помахал нам вслед. Сам он повез Ваню Васильевича в клинику; Алешин отправился сопровождать задержанных в следственный изолятор.

– Как я по дому соскучился, – признался Алешка, когда мы ехали по родной Москве среди желтеющих лип и берез. – Так мне всякие пальмы и ракушки надоели.

Мне тоже, особенно пираты и бананы.

– Вот она – наша родная хижина, – радостно возвестил Алешка, когда мы подъехали к дому.

Он первым ворвался в квартиру и... замер на пороге нашей комнаты.

– Здорово? – спросила мама. – Видите, как я все уладила?

Уладила... Посреди комнаты, ближе к окну стояла на полу эта злосчастная тридакна. Под ней явно прогибался пол.

– Ты рад? – спросила мама. – Я в нее буду складывать белье для прачечной. Здесь много поместится.

В этой раковине, по-моему, белый медведь поместится.

К нашему возвращению мама приготовила праздничный ужин.

– Как я вас сейчас накормлю! – воскликнула она. – Только ничего не трогать до папы. Убери руки, Алексей!

Папа приехал довольно скоро, он сказал, что с Чижевским будут заниматься специалисты и они вернут ему память.

– А ты его родным сообщил? – спросила мама, которая уже знала от нас об этой робинзоновской истории.

Папа покачал головой. И сказал задумчиво:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.